

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-272-278

ВЕРБИЦКИЙ Богдан Александрович,
Аспирант (ИЗуСП),
магистр частного права (РШЧП),
e-mail: Bogdanverbitskoy@mail.ru

ТОВАРОРАСПОРЯДИТЕЛЬНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Автором данного исследования посредством следования от категориальных истоков обозначенного правового института к частным проявлениям его использования участниками гражданских правовых отношений путем выявления первичных и вторичных квалифицирующих признаков товарораспорядительных ценных бумаг, установления выполняемых последними функций и проведения их соотношения со смежными правовыми институтами, установления состава удостоверяемых исследуемым институтом имущественных ценностей осуществляется установление общих положений товарораспорядительных ценных бумаг.

Ключевые слова: товарораспорядительные ценные бумаги, коносамент, складское свидетельство, видимость права, абстрактность ценных бумаг, каузальность ценных бумаг.

VERBITSKII Bogdan Aleksandrovich,
PhD student (The Institute of Legislation and Comparative Law),
MA (Russian School of Private Law)

COMMODITY SECURITIES: GENERAL PART

Annotation. The author of this article, by following from the origins of the designated legal institution to the particular manifestations of its use by participants in civil legal relations, by identifying the primary and secondary characteristics of commodity securities, their functions and relationships with related legal tools, and by establishing the composition of the property values certified by the instrument under study, carries out a reduction of the general provisions of securities of title.

Key words: commodity securities, bill of lading, warehouse receipts, prima facie, abstractness of securities, causality of securities.

Введение

На заре генезиса товарораспорядительных ценных бумаг господствовала их квалификация в качестве разновидности ценных бумаг в узком смысле (далее – ЦБ) как в зарубежном, так и отечественном гражданском праве, то в настоящее время имеют место также и иные (отличные от приведенной) вариации квалификации таких документов. Между тем от разрешения вопроса о правовой природе последних зависит приоритетный для защиты правопорядком интерес (должника либо кредитора), например, в случае исполнения формально легитимированному документом лицу, не являющемуся действительным обладателем удостоверяемого им права, должником: если такой документ является ценной бумагой, то посредством исполнения владельцу документа должник освобождается от обязательства, а если не является – тогда обязательство должника

перед действительным обладателем удостоверяемого документом имущественного права не считается прекращенным. Также не получил должного освещения в отечественной доктрине состав удостоверяемых товарораспорядительными ценными бумагами имущественных ценностей, от определения которого зависит ответ на вопрос о правовом положении формально легитимированного данным документом лица, в частности в случае необходимости противопоставления последним своего имущественного притязания на представляемую документом вещь иным посягающим на нее лицам. Таким образом, проблема определения правовой природы товарораспорядительных ценных бумаг и проблема установления количественного и качественного состава удостоверяемых ими имущественных ценностей представляют собой две ключевые проблемы правовой квалификации данных документов.

Основная часть исследования.

Термин «товарораспорядительные ценные бумаги» не упоминается в действующем российском гражданском законодательстве и используется в доктрине для обозначения так называемых «товарораспорядительных документов» (далее по тексту – «ТРЦБ»). Последние в таком именовании закреплены в положениях ст. 224 ГК РФ, приравняющей «к передаче вещи передачу коносамента или иного товарораспорядительного документа на него». Так, посредством несложной логической операции, применив правила о системном и буквальном толковании гражданского законодательства, в частности произведя соотношение п. 2 ст. 147 ГК РФ, определяющего коносамент ценной бумагой, и п. 3 ст. 224 ГК РФ, содержащего указание коносамента как одного из возможных ТРЦБ, можно прийти к выводу о принадлежности коносамента к ЦБ и ТРЦБ, и, как следствие, о соотношении первых и последних как родового и видового правовых институтов. Приведенная квалификация поддерживается преобладающим большинством (за редким исключением [1, с. 8-9]) отечественных правоведов [2; 3; 4], останавливающихся на совокупном прочтении и буквальном толковании приведенных выше положений ГК РФ. Помимо коносамента, ГК РФ закрепляет еще два товарных документа, которые признает ЦБ, а равно простое и двойное складское свидетельство (вместе именуемые – «складские свидетельства»). Другие товарные документы, способные быть ЦБ, аналогично другим континентальным правовым порядкам, современное российское позитивное право не знает.

Вместе с тем далеко не все именуемые законодателем ЦБ документы надлежит полагать ЦБ в их истинной инструментальной семантике (ЦБ в узком смысле), а лишь те, которые обладают соответствующими признаками и, как следствие, выполняют доказательственную, легитимационную, распорядительную функции, посредством чего достигается генеральная функция – достаточность обладания данными документами для осуществления и передачи удостоверяемых ими имущественных прав. Между тем прежде проведения правовой квалификации ТРЦБ на предмет их относимости к ЦБ (в узком смысле) надлежит отграничить их от других товарных документов, в частности посредством выделения микро-функций, выполняемых ТРЦБ в имущественном обороте. Указанные функции не имеют явной артикуляции в позитивном праве, а выводятся из признаков, с наличием которых закон связывает признание того или иного документа ценной бумагой. В связи с этим обратимся к доктрине.

Первые попытки формулирования инструментальной телеологии в отечественном право-

вом поле были предприняты М. М. Агарковым, концептуально определившим: «[ТРЦБ] называется такой документ, передача которого приравнивается к передаче представляемого им товара» [5].

Схожим образом определяли назначение ТРЦБ и зарубежные современники правоведа, однако факт отождествления передачи бумаги с передачей вещи объясняли по-разному. Например, Ч. Виванте видел в передаче ТРЦБ один из возможных способов передачи владения вещью, указывая на производный (опосредованный) характер такого владения относительно фактического господства лица над вещью (непосредственного владения) и справедливо квалифицируя его в качестве *constitutum possessorium* (соглашение об установлении владения, далее – СР) со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями в контексте экстраординарных ситуаций, в том числе двойной продажи товара, на который выдана ТРЦБ: так, если А заключил договор купли-продажи с В и С, передав В ТРЦБ на товар, а С вручив сам товар, то притязание С получит приоритет и он станет собственником, а В останется довольствоваться взысканием убытков с А [6]. Вывод Виванте в полной мере соответствует одному из правил защиты участника оборота (применительно к приобретению движимой вещи), полагавшегося на видимость права, в соответствии с которым осуществляющее непосредственное владение вещью лицо получает защиту преимущественно над осуществляющим опосредованное владение лицом, а также большую степень резистентности (в сравнении с последним) к эвентуальным виндикационным требованиям. И коль скоро принцип защиты видимости права, получивший весьма широкое распространение во всей континентальной Европе и полную содержательную реализацию, при конкуренции двух индивидуально-определенных обязательств всегда отдает предпочтение обретшему фактическое господство над вещью лицу, то и воспринятая модель купли-продажи тем или иным правовым порядком не будет иметь определяющего значения при выборе правовым порядком лица, чьим интересам он отдаст приоритет.

В этой связи крайне любопытным представляется разрешение данного вопроса в рамках воплощенного французским правовым порядком принципа соглашения постольку, поскольку в соответствии с положениями Art. 1138 ФГК «обязательство продавца по передаче вещи считается состоявшимся, коль скоро выражено согласие договаривающихся сторон». Первое приближение приведенных положений французского позитивного права дает основания полагать, что переход права собственности совпадает с моментом

достижения соглашения, что лишь отчасти является корректным суждением. Право собственности, действительно, возникает на стороне покупателя, однако имеет относительный эффект до момента оглашения [7; 8] такого перехода, в частности для движимых вещей посредством передачи непосредственного владения. Так, договор купли-продажи вбирает в себя как обязывающую, так и распорядительную сделки, но последняя есть не что иное, как растворенное в обязательственной сделке СР, в связи с чем в момент достижения соглашения владение покупателя есть опосредованное владение и, как следствие, имеет исключительно относительный эффект. Следовательно, даже в рамках принципа соглашения, воплощенного французским правопорядком, при заключении продавцом договора купли-продажи с двумя лицами право собственности возникнет у лица, получившего фактическое господство над вещью. Данный вывод подтверждается и А. Ваке [9].

Таким образом, как договор купли-продажи без фактической передачи вещи, так и передача ТРЦБ на нее есть основания для опосредованного владения, а равно имеющего лишь для сторон соответствующих обязательств юридическое значение, лишенное при отсутствии оглашения абсолютного эффекта (в данном случае – вещного).

Таким образом, наличие ТРЦБ на товар без фактического обладания последним не представляет приоритет в защите позитивного интереса формально легитимированному бумагой лицу относительно притязаний других лиц на товар в экстраординарных ситуациях, в том числе при многократной продаже такой вещи имеющим распорядительную власть лицом приоритет получит фактически завладевший добросовестный покупатель или пусть и не получивший непосредственное владение, однако достигший консенсуса с продавцом прежде покупателя, либо при приобретении от не имеющего распорядительной власти лица защиту получит интерес собственника, обратившегося в суд с виндикационным иском.

Непротивопоставимость ТРЦБ в экстраординарных ситуациях обнажает их меньшую эффективность в сравнении правовыми инструментами, удостоверяющими родовые обязательства, в частности документарными денежными ЦБ, в которых удалось наиболее полно воплотить следование удостоверяемого ценной бумагой права (посредством его материализации) юридической судьбе самого документа. В последних позитивный интерес формально легитимированного добросовестного лица получает абсолютный приоритет над притязаниями иных лиц, посягающих на удостоверяемое документом имуществом-

ное право. В том числе по этой причине французский цивилист М. Таллер не относил ТРЦБ к числу ЦБ [10].

Между тем конкуренция притязаний на один объект нескольких участников оборота есть аберрация для имущественного оборота, а ординарным является обладание и обмен существующими объектами гражданских прав на основании транслятивного и/или конститутивного правопреемства добросовестными участниками имущественного оборота, в связи с чем противопоставимость как одна из функций публичного характера ЦБ не является ключевой.

В первую очередь ЦБ (в узком смысле) есть форма жизни имущественного права, а) позволяющая в упрощенном относительно иных способов уступки имущественного права, в частности цессии, порядке распоряжаться последними, и, как следствие, б) обеспечивающая высокую динамику оборота объектов гражданских прав. И коль скоро функционально эталонным образцом основоположниками классической теории ЦБ был выбран вексель как инструментально наиболее эффективный с точки зрения придания имущественному праву и, как следствие, его объекту оборачиваемости институт, то и иные документы, удостоверяющие имущественные права, потребность в высокой динамике обмена которыми наличествовала в гражданско-правовом обороте, получали именованье «ценные бумаги» и наделялись известными признаками. В свою очередь, инструментальное редуцирование документов, опосредующих распоряжение имеющими овеществленное выражение объектами имущественных прав, до функционала классических ЦБ требовало от того или иного правопорядка наделения таких документов дополнительными признаками, способными нивелировать невозможность выполнения всего фактического состава, в том числе передачи непосредственного владения вещью, требуемой позитивным правом для осуществления передачи права собственности. А поскольку объем фактического состава, выполнение которого необходимо для полного перехода права собственности, а равно имеющего абсолютный эффект, зависит от воспринятой тем или иным правопорядком модели купли-продажи, то и количественный состав наполняющих ТРЦБ имущественных прав имеет прямую корреляцию с последней.

В рамках правопорядков, избравших принцип соглашения, достаточным для выполнения документом распорядительной функции является наделение его способностью удостоверить опосредованное владение вещью, что подтверждается и показанным нами выше пониманием содержания ТРЦБ Ч. Виванте. Аналогичным образом определяет содержание ТРЦБ и французская док-

трина [11]. В свою очередь, удостоверение ТРЦБ лишь опосредованного владения не является достаточным для придерживающихся принципа разъединения правовых систем: наряду с договором купли-продажи как обязывающей сделкой требуется совершение распорядительной сделки в форме передачи непосредственного владения вещью.

Вместе с тем абсолютность обретает значение лишь в случаях, когда покупатель намеревается осуществить распорядительную власть в отношении вещи в правоотношениях с третьими относительно его обязательства с продавцом лицами, а также при необходимости противопоставить свои притязания на приобретаемую вещь притязаниям третьих лиц. При этом крайне важной в ординарных ситуациях является возможность сторон договора купли-продажи признать переход права собственности состоявшимся, пусть такое правопреемство и будет иметь лишь относительный эффект до момента оглашения, что позволит сконструировать обязательство, учитывающее интересы обеих сторон (договориться о распределении рисков, в частности при объективной невозможности исполнения обязательства продавцом в связи со случайной гибелью вещи). И если в рамках принципа соглашения такая возможность создается самим позитивным правом, то участникам правопорядков, придерживающихся принципа разъединения, приходится прибегать к суррогату распорядительной сделки - СР. Последнее в момент его совершения (по смыслу § 930 ГГУ, § 924 ШГУ) требует наличия у продавца непосредственного владения отчуждаемой вещью, в связи с чем для установления производного владения покупателя посредством документа необходимо удостоверение им не только опосредованного владения вещью, но также и создание фикции непосредственного владения вещью у формально-легитимированного ТРЦБ лица. Следовательно, придание документу распорядительной функции в отношении вещи в рамках придерживающихся принципа разъединения правопорядков возможно исключительно при приравнивании передачи такого документа к передаче фактического владения вещью, что в Германии достигается с помощью формулы: «[ТРЦБ] удостоверяет как опосредованное, так и непосредственное владение вещью», в Швейцарии – ТРЦБ удостоверяет не только непосредственное и опосредованное владение вещью, но и права собственности на последнюю. Таким образом, количественный состав удостоверяемых ТРЦБ имущественных правомочий имеет прямую корреляцию с воспринятой тем или иным правопорядком моделью купли-продажи. В свою очередь, каждый отдельный элемент состава имущественных пра-

вомочий, удостоверяемых ТРЦБ, а именно: 1) опосредованное владение, 2) непосредственное владение и 3) право собственности именуются в доктрине «имущественной ценностью» [13].

Между тем в зависимости от количества последних, заключенных позитивным правом в один распорядительный документ, принято говорить о следовании правопорядком I) строго относительной (ТРЦБ удостоверяет опосредованное владение), II) умеренно относительной (ТРЦБ удостоверяет а) опосредованное и б) непосредственное владение) либо III) абсолютной теории (ТРЦБ удостоверяет а) опосредованное и б) непосредственное владение, с) право собственности). Каждая теория посредством наделения документа приведенными имущественными ценностями стремится создать прочную связь между юридическими судьбами распорядительного документа и удостоверяемого ТРЦБ имущественного притязания, пытаясь добиться наиболее полного их симбиоза, в качестве эталонного образца используя классические ЦБ, в которых слияние документа и заключенного в него имущественного права абсолютно, что обеспечивается невозможностью передачи и осуществления последнего без обладания первым, что, однако, (применительно к ТРЦБ) осложняется особенностями установления, осуществления и отчуждения прав на вещи как объекты гражданских прав.

Отдельное внимание следует обратить на основные доктринальные подходы к определению функционального количественного и качественного состава ТРЦБ. Признание примата значимости распорядительной функции и отсутствие детальной разработки (применительно к распорядительным документам) доказательственной и легитимационной функций сохраняли актуальность до середины XX века, с которой совпала разработка международных нормативно-правовых актов, закрепляющих правила применения в коммерческом обороте ТРЦБ, импульсом для чего послужила достигшая высокой динамики международная торговля. Однако международные и гармонизированные с ними национальные нормативно-правовые акты допускали категориальную диффузию: ТРЦБ стали наделяться позитивным теми функциями, которые не соответствуют телеологии ценных бумаг, что привело к затруднительности их правовой квалификации, снижению правовой определенности и, как следствие, затруднительности квалификации формально легитимированным лицом содержания принадлежащего ему притязания и снижению вероятности достижения позитивного интереса, коррелирующего с осуществлением удостоверяемого такой бумагой права.

Западные цивилисты (преимущественно немецкие) выводили из положений позитивного права следующие функции: доказательственную, информационную, распорядительную, расписки в получении товара, блокировочную, легитимационную [15], последнюю, между тем, полагая единственной функцией ТРЦБ, роднящей его с классической ценной бумагой. Однако последняя, как было показано нами ранее, выполняет также доказательственную и распорядительную функции, поэтому и проведение дистинкции между ценными бумагами и ТРЦБ в связи с принадлежностью последним обозначенных функций не представляется корректным. Кроме того, ряд функций в рамках приведенного выше перечня надлежит соотносить друг с другом как род и вид, например, доказательственную и информационную, доказательственную и расписки в получении товара (о соотношении указ. категор. далее). По причине отмеченного нами крайне точным догматически видится сведение функционала ТРЦБ к аналогичной для классических ценных бумаг инструментальной телеологии, что и было впервые в отечественной доктрине произведено А. С. Кокиным. Однако далеко не все правоведы солидарны с последним.

Например, О. Г. Неверов отмечает: «товаро-распорядительные документы (в отлич. от ценных бумаг) содействуют ускорению торгового оборота и упрощению кредитных и расчетных операций» [12]. Данный аргумент представляется неубедительным, коль скоро указанный правовед при формулировании признаков товарораспорядительных документов привел все те, что характеризуют и классическую ценную бумагу, например, удостоверение документом имущественного права, возможность распоряжаться последним посредством распоряжения документом. Кроме того, О. Г. Неверов отождествляет ТРЦБ с договором, указывая на отсутствие «абстрактности» первого относительно договорных отношений, в рамках которых он выдается. Однако абстрактность не является квалифицирующим признаком ЦБ. Последние лишь создают публичную достоверность договорных правоотношений как основания для возникновения удостоверяемого ими имущественного права и, как следствие, видимость последнего, которое при передаче ценной бумаги следует юридической судьбе последней и переходит к добросовестному ее приобретателю в том объеме, который вытекает из ее (ценной бумаги) содержания. Переход либо возникновение права у добросовестного приобретателя в большем объеме, нежели существующий в рамках служащего основанием для выдачи ценной бумаги договора, связаны с защитой правопорядком добросовестных участников оборота, разумно

полагающихся на видимость права (его наличие и полноту) и получающих его в соответствующем (содержанию документа) объеме, а не с так называемой «абстрактностью». Кроме того, ТРЦБ (подобно классическим ЦБ) являются хотя и приоритетной, однако не единственной формой осуществления удостоверяемого ими имущественного права. Также противопоставление ценной бумаги и ТРЦБ можно обнаружить в трудах А. Г. Калпина. Такое соотношение является некорректным и может проистекать из отождествления его авторами ТРЦБ с товарными документами. В свою очередь, надлежащей является квалификация ТРЦБ как одной из разновидностей товарных документов.

Товарно-транспортные документы не используются для осуществления распорядительной власти в отношении товара, на который они выданы, и из присущих ТРЦБ функций могут выполнять лишь доказательственную. Обеспечение видимости права в рамках института ТРЦБ не исчерпывается 1) приданием последними публичного характера определенному договорному правоотношению, в частности (применительно к консаменту) посредством признания данного документа достаточным доказательством заключения договора морской перевозки груза, а проявляется еще и в 2) оглашении таким документом факта приемки перевозчиком товара.

Приемка перевозчиком товара является в индивидуально-определенных обязательствах одним из ключевых юридических фактов, в частности позволяющих установить принадлежность риска случайной гибели или повреждения объекта той или иной стороне правоотношения, во исполнения которого вещь передается (в данном случае – доставляется) от ее предыдущего правообладателя к его правопреемнику посредством перевозчика: так, в большинстве европейских правопорядков, в частности в отечественном – передачей признается (в том числе и) «сдача перевозчику для отправки приобретателю или сдача в организацию связи для пересылки приобретателю вещей, отчужденных и без обязательства доставки». Аналогичное правило содержится и в Венской конвенции 1980 г. Кроме того, помимо перераспределения риска случайной гибели или повреждения объекта известного индивидуально-определенного обязательства, факт приемки товара перевозчиком выполняет еще две функции: А) Приемка товара зачастую знаменует собой возникновение юридического эффекта договора перевозки, коль скоро последний (по общему правилу) по своей правовой природе является реальным договором, в связи с чем наступление его обязывающего действия связано с моментом полного выполнения следующего юридического

состава: согласованных волеизъявлений его сторон (консенсуса) и передачи вещи;

Б) Приемка товара перевозчиком есть односторонняя правоустанавливающая сделка, образующая в совокупности с другой односторонней сделкой - передачей товара грузоотправителем – СР. Последний имеет юридическую силу изначально для перевозчика и грузоотправителя и далее, если удостоверяющая такое опосредованное владение ТРЦБ была передана грузоотправителем другому лицу, между последним и перевозчиком. И поскольку фактический состав СР включает в себя не только консенсус, но и достижение непосредственного владения вещью одной стороны (применительно к коносаменту – перевозчика), которая в соответствии с условиями такой распорядительной сделки будет осуществлять владение для другой стороны (опосредованного владельца (грузоотправителя либо последующих формально легитимированных коносаментом лиц), то при действительности данного вещного договора наличие вещи как объекта известного индивидуально-определенного обязательственного правоотношения презюмируется. Такая презумпция, находя отражение в ТРЦБ, создает видимость (для ознакомившихся с содержанием последнего лиц) валидности объекта прав (вещи) и распорядительной власти на него у формально легитимированного данным документом лица, что и позволяет редуцировать доказательственный потенциал ТРЦБ к классической ценной бумаге. В складских свидетельствах доказательственная функция раскрывается подобным образом. Последняя имманентно присуща инструментальной телеологии всех ЦБ (в том числе и распорядительных), в первую очередь, создающих видимость объекта прав, а равно его публичность (в чем и проявляется собственно доказательственная функция), во вторую очередь, позволяющих посредством легитимационной функции осуществлять притязание на такой объект прав любому (формально легитимированному) обладающему данной формой его (объекта прав) жизни (ценной бумагой) лицу, в третью очередь, осуществлять распорядительную власть в отношении объекта прав, определяя юридическую судьбу такого документа (распорядительная функция).

Легитимационная функция раскрывается (подобно классическим ЦБ) в активной и пассивной функциях. Данная функция (применительно к коносаменту как ТРЦБ) нашла позитивно-правовое закрепление в положениях ст. 158 КТМ. Между тем (подобно классическим ЦБ) коносамент должен отвечать требованиям формальной легитимации, в том числе способу легитимации обладателя документа. Из приведенных в положениях ст. 148 КТМ коносаментов к ЦБ (в узком смысле) над-

лежит отнести 1) коносамент на предъявителя, 2) ордерный коносамент, 3) именной коносамент, передаваемый по именованному передаточным надписям. В свою очередь, именной коносамент, передаваемый по правилам об уступке права требования (цессии), есть ректа-бумага, в связи с чем его отнесение к ЦБ (в узком смысле) и, как следствие, к ТРЦБ некорректно. В свою очередь, простое складское свидетельство и двойное складское свидетельство являются предъявительской и ордерной товарораспорядительными ценными бумагами соответственно.

Заключение

ТРЦБ выполняют аналогичные ЦБ (в узком смысле) функции – доказательственную, легитимационную, распорядительную. Несостоятельным представляется любое функциональное противопоставление ЦБ товарораспорядительных документов. В связи с чем надлежит поставить знак равенства между ценными бумагами и товарораспорядительными документами, а также корректно именовать последние «товарораспорядительными ценными бумагами».

Список литературы:

- [1] Калпин А.Г. Роль коносамента при перевозке груза морем // Актуальные вопросы международно-гомерского права и торгового мореплавания. М., 1984. - 340 с.
- [2] Иванов Г.Г. Комментарий к Кодексу торгового мореплавания Российской Федерации. М.: Юрайт, 2008. – 890 с.
- [3] Кокин А.С. Международная морская перевозка груза: право и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. - 765 с.
- [4] Белов В.А. Передача права собственности на товар путем передачи товарораспорядительного документа // Законодательство. 1998. № 3. С. 23 – 47.
- [5] Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. / М. М. Агарков – Москва: Финанс. изд-во НКФ СССР, 1927. – 166 с.
- [6] С. Vivante. Trattato di diritto commerciale // v.iii, 1924 – С. 102-114;
- [7] Aynes L., Crocq P. Op.cit. P. 282 – 298.
- [8] Zenati-Castaing F., Revet T. Les biens. 4-e ed. Paris, 2008 P. 456.
- [9] Вакс А. Приобретение права собственности покупателем в силу простого соглашения или лишь вследствие передачи вещи? О расхождении путей рецепции и его возможном преодолении // Цивилистические исследования. Сборник научных трудов памяти профессора И.Н. Федорова. - М.: Статут, 2004, Вып. 1. С. 133 – 147.
- [10] Thaller M.E. De la nature juridique du titre de credit. Contribution a une etude generale sur le

droit des obligations (Dette abstraite, acteunilateral, delegation) 1907 (Extrait les Annales de Droit commercial, étrangeret international, 1906-1907).

[11] Thaller Percerou, Traite de droit commercial, 1925.

[12] Неверов О.Г. товарораспорядительные документы в торговом обороте: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 210 с.

References:

[1] Kalpin A.G. The role of the bill of lading in the carriage of goods by sea//Current issues of international Homorean law and merchant shipping. M., 1984. – 340 s.

[2] Ivanov G.G. Commentary to the Merchant Shipping Code of the Russian Federation. M.: Yurayt, 2008. – 890 с.

[3] Kokin A.S. International carriage of goods by sea: law and practice. 2nd ed., Revised and add. M.: Infotropic Media, 2012. – 765 с.

[4] Belov V.A. Transfer of ownership of goods by transfer of a document of title//Legislation. 1998. № 3. С. 23 – 47.

[5] Agarkov M. M. The Doctrine of Securities /M. M. Agarkov - Moscow: Finance. Publishing House of the NKF USSR, 1927. – 166 с.

[6] C. Vivante. Trattato di diritto commerciale // v.iii, 1924 – С. 102-114;

[7] Aynes L., Crocq P. Op.cit. P. 282 – 298.

[8] Zenati-Castaing F., Revet T. Les biens. 4-e ed. Paris, 2008 P. 456.

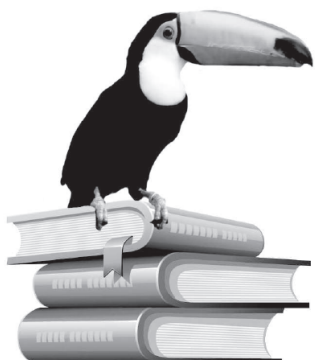
[9] Wake A. The acquisition of ownership by the buyer by mere agreement or by mere transfer of a thing? On the divergence of reception paths and its possible overcoming//Civil studies. Collection of scientific works in memory of Professor I.N. Fedorov. - M.: Statute, 2004, Vol. 1. С. 133 – 147.

[10] Thaller M.E. De la nature juridique du titre de credit. Contribution aune etude generale sur le droit des obligations (Dette abstraite, acteunilateral, delegation) 1907 (Extrait les Annales de Droit commercial, étrangeret international, 1906-1907).

[11] Thaller Percerou, Traite de droit commercial, 1925.

[12] Neverov O.G. documents of title in trade: Diss.... cand. jurid. sciences. - M., 2001. – 210 с.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.